

Д. М. Армстронг

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ

Глава 17

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ МЕНТАЛЬНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО

Завершающая глава будет краткой. Для этого можно найти множество оснований. Прежде всего, большинство аргументов в пользу отождествления ментального и физического были рассмотрены в первой части книги, а во-вторых, конкретная сторона нашего доказательства была подробно освещена многими авторами¹. Я не добавил почти ничего нового к тому, что они уже сделали, и поэтому считаю полезным направить свою энергию на решение задачи, которой уделяется явно недостаточно внимания, а именно: прояснить понятие сознания и ряд отдельных ментальных понятий. И наконец, если доводы, приведенные во второй части, окажутся удачными и в объяснении понятия сознания мы идем по правильному пути, то предполагаемое отождествление ментального и физического больше не должно казаться ни слишком парадоксальным, ни чрезмерно смелым предприятием.

Придавая данной главе значение заключительной части книги, я хочу, насколько это возможно, подчеркнуть логическую независимость этого финального шага в доказательстве от всего того, что было сделано ранее, поскольку, за исключением некоторых второстепенных замечаний, все изложенное во

¹ Smart J. J. C. *Philosophy and Scientific Realism*, Routledge, 1963 *.

второй части не доказывает истинности материалистической теории сознания. В лучшем случае на основании второй части можно быть только уверенным в возможности отождествления ментального и физического.

Теперь мы можем задать вопрос: «Каковы возражения по поводу отождествления ментальных состояний с физико-химическими состояниями центральной нервной системы?» Нами было показано, что ментальные состояния являются такими состояниями человека, которые определяются единственно в терминах каузальных отношений объектов или ситуаций, вызывающих данные состояния, с физическим поведением, которое конституирует их «выражение», подобно тому как гены определяются исключительно в терминах своих каузальных отношений к наследственным характеристикам, которые можно считать «выражением» генов. Существуют надежные теоретические (как противостоящие наблюдаемым) свидетельства в пользу отождествления генов с молекулами ДНК в ядре живой клетки. *Полагая, что наше объяснение понятия явлений сознания правильно*, не следует ли считать настолько же очевидным и отождествление ментальных явлений с физико-химическими состояниями центральной нервной системы?

Все возражения против такого отождествления могут быть классифицированы по двум разделам. Во-первых, отождествление может отвергаться, если считается, что одних только знаний о физико-химических процессах в центральной нервной системе недостаточно для объяснения всего разнообразия человеческого поведения. Подобные возражения кажутся серьезными, но можно привести ряд возражений, которые в интеллектуальном отношении следует считать тривиальными. В дальнейшем будут предложены доводы в пользу такого различия.

Начав рассмотрение первого раздела, удобно провести дальнейшее различие: между возражениями, вытекающими из проявлений сознания, существование которых не вызывает сомнения, и возражениями, предполагающими такие феномены сознания, существование которых остается предметом спора. В первый класс будут включаться феномены начиная с «восприятия, что перед нами находится апельсин» или «к пяти прибавить семь» и заканчивая «созданием пьес Шекспира» или «открытием законов Ньютона». Второй класс объединяет различные паранормальные явления типа телепатии или ясновидения. Прежде всего рассмотрим проявления сознания, которые включаются в первый класс.

Мы движемся в царстве науки и эмпирических фактов, но не в царстве логической возможности, присущей концептуальному анализу. Поэтому без обсуждения следует признать, что физико-химические процессы в центральной нервной системе являются одним из факторов, определяющих поведение человека и высших животных. Однако неясно, являются ли такие процессы *полностью* ответственными за поведение.

Интеллектуальная деятельность и художественное творчество, в частности, их выдающиеся образцы, такие, как открытия Ньютона или пьесы Шекспира, ставят материалиста перед большими трудностями. Речь идет о «высшей» форме деятельности в совершенно объективном смысле, т. е. о деятельности, отличающейся высокой степенью сложности и утонченности от обычного человеческого поведения. Поэтому будет особенно трудно согласиться с тем, что такие формы деятельности могут быть результатом функционирования чисто физического механизма.

Противник материализма в нашем споре может занимать либо более слабую, либо более сильную позицию. Во-первых, он будет настаивать на том, что для *любого* физического механизма эмпирически невозможно произвести подобные феномены. Во-вторых, он может допустить возможность физического механизма, производящего подобные феномены, но будет утверждать, что человеческое тело его не содержит.

Первое возражение будет постепенно подрываться изобретением и созданием машин, способных копировать все больше человеческих действий. Правда, пока не построено ни одной машины, о которой можно было бы сказать, что она демонстрирует способность к творчеству. Современные машины могут, например, решать математические проблемы, только если последние задаются для них посредством ряда процедур. Однако мало вероятно, что этим представлен верхний предел их исполнительности, и уже разработаны проекты машин, способных к изобретательности². А если «барьер изобретательности» будет преодолен, то необоснованно настаивать на существовании проявлений сознания, выходящих за пределы возможности машин.

Противник материализма, который согласится с тем, что машина, способная копировать всю совокупность человеческой ментальной активности, является физически возможной, будет все же утверждать, что ментальные состояния не являются физическими состояниями центральной нервной системы, поскольку подобный механизм фактически не был обнаружен в человеческом теле. Однако подобная линия защиты редко применяется на практике. Раз противник материализма убедился в физической возможности механизма, производящего явления, подобные сознательным, но он в общем допускает, что такой физический механизм может быть обнаружен в работе центральной нервной системы. (В действительности же конструирование или проектирование механизма, способного производить феномены, подобные сознанию, должно быть одним из лучших источников плодотворных гипотез по поводу функционирования самой центральной нервной системы.)

Кто-то может посчитать, что сторонник материализма по-

² Smart. Op. cit., ch. VI. Sect. 3. „Problem-solving ingenuity“

зволил так легко себя убедить, поскольку мы располагаем еще очень незначительным знанием центральной нервной системы. Может быть, действительно, подробное знание работы мозга покажет недостаточность этого знания для открытия законов тяготения или создания «Короля Лиры».

Эту возможность легко признать, но тогда следует признать, что это нечто большее, чем чисто логическая возможность. Однако на каких основаниях допустимо считать, что именно эта возможность имеет наибольшую вероятность? Я не знаю таких оснований вообще.

Существует интересная возможность компромисса между физико-химическим материализмом и атрибутивной теорией сознания. Можно считать, что все разнообразие человеческого поведения имеет своей причиной физические процессы в центральной нервной системе, однако вместе с тем полагать, что по крайней мере некоторые из этих процессов не могут быть объяснены в терминах физики или химии. Другими словами, определенные процессы в центральной нервной системе осуществляются в соответствии с *эмерджентными законами*, которые даже в принципе не могут быть дедуцированы из законов физики и химии. В результате получается, что поведение вообще не порождается в соответствии с чисто физико-химическими принципами. Такая точка зрения будет все же материалистической, поскольку она не требует существования каких-либо эмерджентных качеств или эмерджентной субстанции, но такой материализм не может быть физико-химическим материализмом.

Наиболее естественная гипотеза в этом случае будет заключаться в том, что эмерджентные законы есть нечто присущее всем физическим системам, достигшим определенной степени сложности. Однако следует избегать необоснованного соотнесения эмерджентных законов с высокой степенью сложности, присущей только биологическим системам, поскольку можно надеяться на создание машины, таким же образом действующей в соответствии с этими законами, каким это происходит в центральной нервной системе.

Если кто-либо принял подобную гипотезу, то он будет с большим вниманием относиться к идее эмерджентных законов. Ему следует ожидать, что все биологические системы, включающие в себя намного более сложные взаимоотношения компонентов, чем обычные физические системы, функционируют в соответствии с законами, которые превосходят принципы физики и химии. Тогда будет казаться необоснованным свойством системы законов то, что физико-химические законы применяются ко всем уровням организации материи, а прыжок к эмерджентным законам происходит только при эмерджентности самого сознания.

Как уже было сказано, я не знаю ни одного научного основания, которое с необходимостью заставляло бы нас думать,

будто даже открытия Ньютона или творчество Шекспира требуют постулирования эмерджентных законов функционирования центральной нервной системы. Тем не менее если такие основания существуют или будут впоследствии обнаружены, то материализм, прибегающий к помощи этих «эмерджентных законов», будет естественным и онтологически вполне экономичным философским направлением.

(Мимоходом следует заметить, что параллелисты всех видов должны согласиться с признанием достаточности для всего разнообразия человеческого поведения одной работы мозга самой по себе, хотя они и могут принять эмерджентистскую точку зрения на законы его функционирования. Согласно параллелизму, ментальные состояния не могут быть причиной поведения, но если кто-то хочет сказать, что одного мозга недостаточно, чтобы причинно объяснить все человеческое поведение, тогда он должен быть дуалистом и интеракционистом по отношению к проблеме сознания.)

Возражение против эмерджентного материализма заключается в том, что его нельзя отличить от дуалистического интеракционизма. Предположим, что физическое событие в центральной нервной системе следует через короткий интервал за другим физическим событием, хотя проявление второго события не эксплицируется в физико-химических терминах. Сторонник эмерджентного материализма постулирует эмерджентные законы для объяснения этого феномена. Дуалист же мог бы объяснить происходящее, утверждая, что первое физическое событие вызвало изменение в духовной субстанции, которая в свою очередь порождает второе физическое событие. Как мы можем различить эти два тезиса?

Необходимо указать на то, что дуалистическая точка зрения может предполагать два различных направления. Если следовать по первому пути, тогда вообще не будет никакой возможности экспериментального выбора между дуализмом и эмерджентным материализмом. По соображениям экономии нужно было бы предпочесть данную точку зрения. Если следовать вторым путем, тогда в принципе можно решить вопрос эмпирически.

Предположим, что центральная нервная система находится в определенном физическом состоянии. Физическое событие в ней вызывает духовное событие, которое порождает следующее физическое событие. Можно ли считать, что причинная эффективность духовной субстанции в этом случае детерминирована исключительно первым физическим событием? Предположим, что это так. Тогда необходимо должны быть открыты законы, которые позволяют нам предсказать второе физическое событие на основе уже имеющегося физического события. Какую же роль играет тогда духовное событие в причинной цепи? Можем ли мы избежать ситуации, в которой первое физическое событие прямо связано с возникновением второго физического со-

бытия, хотя бы и в соответствии с эмерджентными законами? Этого мы избежать не можем, следовательно, нет никакого ощутимого различия между представленными теориями, но соображения экономии говорят против дуалистической точки зрения.

Предположим, что все происходящее в духовной субстанции, как и природа второго физического события, определено не только первым физическим событием, *но также и тем, что происходило в духовной субстанции в прошлом*. Тогда никакое предсказание второго физического события на основе первого не будет возможным. Эта невозможность оказалась бы свидетельством в пользу интеракционистского дуализма. Конечно, зная, что происхождение и история духовной субстанции определяются исключительно физическими факторами центральной нервной системы, все же можно доказывать, что второе физическое событие прямо следует в соответствии с «эмерджентным законом», но без посредничества духовного события, из первого физического события, объединенного с другими физическими событиями прошлого. Но гипотеза в этом случае становится настолько сложной, что явно предпочтительнее оказывается постулирование духовной субстанции, которая взаимодействует с мозгом. Только так можно отличить эмерджентный материализм от интеракционистского дуализма.

Материалист имеет и другой путь к отступлению перед лицом данных, которые противоречат его точке зрения на сознание. Ясно, что все разнообразие человеческого поведения может пониматься как результат деятельности мозга, пока не объяснимой в свете физических принципов, знанием которых мы на сегодняшний день располагаем. Но она может быть объяснена с помощью обновленной физики. Вместо допущения эмерджентных законов мы можем открыть новое основание для физики, в терминах которого особый способ работы мозга станет чем-то в принципе выводимым из базисных законов, примененных к исследованию физической структуры мозга.

Если на основе этих новых принципов физики можно было бы объяснять и предсказывать обычные (т. е. нементальные) феномены по крайней мере столь же успешно, как и с помощью ныне принятых принципов физики, но вдобавок предсказывалась бы аномальная деятельность центральной нервной системы, тогда новую физику мы могли бы использовать в интересах построения единой схемы объяснения. Конечно, легко беззаботно рассуждать о новой физике, пока не поставлена задача ее действительного создания, но это единственный способ, с помощью которого материалист может защищать свою монистическую позицию.

Однако может случиться так, что некоторые виды человеческой деятельности, особенно «высшей», будет невозможно объяснить как в терминах эмерджентных законов, так и с помощью обновленной физики. В этом случае материализм ока-

жется несостоятельным, хотя анализ ментальных понятий, представленный во второй части книги, может все-таки быть истинным.

На этом мы закончим рассмотрение явлений сознания, существование которых не вызывает сомнения. Обратимся теперь к анализу «паранормальных» феноменов: телепатии, ясновидения, предвидения, телекинеза (прямое воздействие сознания на материальные объекты) и внетелесного существования.

Первый большой вопрос, стоящий перед нами, заключается в том, насколько вообще можно быть уверенным в существовании этих феноменов. Если они не существуют, то их чисто логическая возможность не является опровержением возможности отождествления сознания и мозга. И не все из тех, кто занимаются изучением этих феноменов, убеждены в их действительном существовании³.

Обсуждая эту проблему, кажется вполне обоснованным обратиться к тому, может ли быть обнаружен экспериментально воспроизводимый феномен. Признано, что это строгий критерий, но поскольку он является почти логическим условием научного исследования феномена, то кажется методологически вполне корректным его принять.

Количество соответствующего экспериментального материала по этой проблеме не очень велико, но есть некоторые результаты, которые трудно объяснить, не допустив проявления паранормальных способностей. В частности, есть некоторые экспериментальные подтверждения телепатии и/или ясновидения и/или предвидения. (Я выражаюсь таким двусмысленным образом потому, что имеющиеся данные допускают неоднозначные интерпретации. Предположим, что кто-то обладает провидческим знанием того, какая карта в колоде выпадет второй по счету. Если мы имеем дело с колодой, которая не была перетасована после того, как была сдана первая карта, то данный факт хорошо объясняется с помощью постулирования только ясновидческого знания карты, которая в колоде лежит после первой. При наличии этого ясновидческого знания совершенно тривиального вывода будет достаточно, чтобы получить явно «провидческое» знание.) И раз уж допускается, что экспериментальный материал дает положительные результаты, то многие известные феномены, которые не возникли при экспериментальных условиях, становятся вероятными кандидатами в паранормальные явления.

Итак, предположим, что паранормальные феномены действительно существуют. Составляют ли они оппозицию предложенному варианту материализма? Рассмотрим для примера телепатию. Мы можем ее определить как способ получения невыводного знания того, что происходит в сознании другого.

³ Scriven M. *New Frontiers of the Brain Journal of Parapsychology*. Vol. 25. 1961. P. 305—318.

Если же дать определение, которое лучше согласуется с экспериментальными фактами, то под телепатией следует понимать способность делать такие утверждения без доказательств по поводу того, что происходит в сознании другого, которые более успешны, чем сделанные просто наудачу. Этот феномен, если он существует, является «паранормальным» потому, что единственно нормальный способ обнаружить происходящее в сознании другого состоит в том, чтобы сделать об этом заключение на основании телесных движений. Но почему этот феномен противоречит материализму? Разве не может быть некоторых, пока еще не обнаруженных физических процессов, которые связывают одну центральную нервную систему с другой и таким образом позволяют передавать информацию? Сходные предположения могут быть выдвинуты и по поводу остальных паранормальных феноменов.

С помощью этих предположений можно разрешить проблему, поставленную паранормальными феноменами, без разрушения материализма. Однако если рассматривать природу этих феноменов в рамках физики, то им нелегко найти объяснение. Например, существует предположение, что телепатическая передача информации опосредствована некоторым физическим излучением, испускаемым одной нервной системой и воспринимаемым другой. Эта гипотеза может быть экспериментально проверена с помощью субъектов, изолированных один от другого в непроницаемых для изучения камерах. Такой эксперимент был действительно проведен в СССР, и в его результате пришли к заключению, что предположения по поводу того, что происходит в сознании другого, сделанные в таких условиях, были значительно достовернее, чем совершенные наудачу⁴. Если эти эксперименты можно повторить, то объяснение телепатии в терминах излучения кажется совершенно невероятным. Но могут ли быть другие каналы физической коммуникации между двумя субъектами? Ведь можно считать, что искомое излучение совершенно непохоже на физическое излучение, которое блокируется непроницаемыми камерами. Но, выдвинув эту догадку, мы уже выходим за пределы известной нам физики.

Если же и предвидение является реальностью, то объяснить его еще труднее. Правда, не существует особых сложностей в понимании абстрактных возможностей невыводного знания будущего. Предположим, что система « S » движется в определенном направлении. Примем допущение, что эта система в своем движении не встречает препятствий, и если это так, то она будет находиться в состоянии « S_1 ». Легко представить себе, что до того как система придет в состояние « S_1 », небольшое количество ее энергии «отделится» и воздействует на сознание, про-

⁴ См.: Experiments in Mental Suggestion, L. L. Vasiliev. English translation: Institute for the Study of Mental Images. 1963.

изводя в нем невыводное знание того, что « S » скоро будет в состоянии « S_1 ». Любая система предостережения (типа системы контроля за расходом топлива в автомобиле) действует по сходным принципам, хотя и производит менее экзотические результаты: включение света, а не невыводное знание. Возможно, что и мы иногда получаем информацию типа «я скоро заболею» не на основе каких-либо данных, а просто как результат операции некоторого механизма, подобного получению невыводного знания наших будущих телесных состояний.

Однако если мы рассмотрим случаи проявления, как утверждается, способности предвидения, то обращение к приведенным выше объяснениям становится затруднительным. Предположим, например, что субъект предсказывает выпадение карты гораздо успешнее, чем это могло бы быть сделано наудачу, но перед каждым предсказанием колода перетасовывается. Физические причины, которые заставляют выпасть отдельную карту, невероятно многочисленны, а их взаимосвязи настолько многообразны, что почти невозможно понять, как «информация» может быть передана от этого сцепления причин, которые могут быть скоррелированы с результатом. Кажется, что этот вид предвидения не поддается ни одной приемлемой схеме объяснения.

Несмотря на это, доказательство еще не закончено. Материалист может выбрать один путь из двух, чтобы избежать тех трудностей, которые уже обсуждались в связи с противопоставлением «нормального» и «паранормального». Он может попытаться разработать эмерджентный материализм с особыми законами для центральной нервной системы, даже в принципе невыводимыми из обычной физики. Или же ему следует искать новую физику, которая с помощью унифицированного ряда принципов будет объяснять и предсказывать не только обычные свойства материи и человека, но также паранормальные способности последнего. Если же эти пути окажутся неудовлетворительными, тогда предложенный вариант материализма не может быть исчерпывающей истиной о природе сознания.

Я все же считаю, что (пара)психологические исследования являются лишь маленьким черным облаком на горизонте материалистической теории сознания. Если не осталось вопросов по поводу рассмотренных паранормальных феноменов, тогда, кажется, не должно быть серьезных препятствий для полного отождествления ментальных состояний с физико-химическими состояниями центральной нервной системы. Отождествление будет настолько же определенным, насколько определено и отождествление гена с молекулой ДНК. Очевидное существование паранормальных явлений должно оставлять мало сомнений. Сторонники любой научной доктрины имеют интеллектуальную обязанность очень подробно рассматривать данные, которые, как кажется, могут подорвать их точку зрения. Та-

ким образом, сторонник материализма имеет интеллектуальную обязанность аккуратно рассмотреть заявленные результаты (пара)психологического исследования.

В заключение мы можем кратко рассмотреть позицию тех, кто допускает, что физико-химические процессы в центральной нервной системе являются адекватными причинами всей совокупности человеческого поведения, но одновременно отрицает отождествление ментальных состояний с состояниями мозга. Именно эту позицию я назвал интеллектуально легкомысленной в самом начале данной главы.

Важно еще раз подчеркнуть, что в этой главе я допускаю истинность объяснения ментальных понятий, данного во второй части книги. Поэтому мы можем здесь не учитывать позицию тех, кто утверждает то, что является очевидным для интроспекции, а именно: ментальные состояния есть нечто отличное от (или нечто большее чем) состояния человека, намеревающегося совершить определенный поступок. Теперь если кто-то принимает объяснение ментальных состояний в терминах их каузальных отношений к поведению и соглашается с тем, что физических действий мозга достаточно для осуществления всего человеческого поведения, но сопротивляется отождествлению ментальных состояний и состояний мозга, тогда, как кажется, можно принять только одну позицию. Следует сказать, что физические процессы в мозге производят нематериальные ментальные процессы, которые в свою очередь производят поведение. Ментальные процессы должны быть включены в каузальную цепь, которая разворачивается точно тем же способом, как если бы такого включения не было (ср. спор между представителями эмерджентного материализма и интеракционистского дуализма, где интеракция возникает таким образом, что обе теории приходят к одним и тем же следствиям).

Это логическая возможность. Она логически совместима с наблюдаемыми фактами. Но любой принцип простоты в науке говорит против принятия подобной точки зрения. Чтобы в этом убедиться, рассмотрим другую логическую возможность. Допустим, что молекула ДНК в определенные моменты осуществляет свои операции на основе нематериального принципа. Этот принцип в свою очередь имеет дальнейшие следствия: передачу наследственных характеристик. Вся цепь причин действует так, как если бы это была физическая цепь, но фактически она содержит одну нематериальную связь. Можно ясно видеть, что, хотя эта гипотеза логически возможна и логически совместима с наблюдаемыми фактами, нет ничего, что рекомендовало бы ее принять. То же самое можно сказать и о параллельной гипотезе по поводу сознания.

Здесь наше доказательство подходит к концу. Одна из важнейших проблем, которая должна решаться при любой попытке выработки научного мировоззрения, заключается в привлечении внимания к существу, которое выдвигает мировоззрение

внутри мировоззрения. Рассматривая человека (включая его ментальные процессы) как чисто физический объект, действующий согласно тем же законам, что и все остальные физические объекты, мы постигаем его с величайшей интеллектуальной экономией. Познающий отличается от познаваемого только большей сложностью своей физической организации. Человек остается один на один с природой.

Мы должны отметить, что если даже изложенная в этой книге концепция сознания и верна, то физикалистская философия как таковая еще не завершилась, а только началась. Прояснение проблемы сознания только ставит нас лицом к лицу с более глубокими проблемами. Такие понятия, как субстанция, причина, закон, пространство и время, остаются даже более темными после того, как мы дали объяснение пространственным и временным феноменам сознания в терминах этих понятий. Физикалистская теория сознания — только пролегомены к физикалистской метафизике. Такая метафизика, как и теория сознания, будет, без сомнения, совместным результатом научных исследований и философской рефлексии.

Д. М. Армстронг. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
СОЗНАНИЯ

Перевод 17-й главы книги Армстронга осуществлен А. Л. Золкиным по изданию: Armstrong D. M. Materialist Theory of the Mind. L., 1968. P. 355—366.

- С. 121 * Армстронг ссылается на книгу австралийского философа Д. Д. Смарта (р. 1920), одного из первых представителей «научного материализма», сторонника теории тождества ментального и телесного (нейрофизиологического).